

Не одним днём

(Окончание. Нач. на 3-й стр.)

Я опять взглянул на мастера, а увидел Нинку, за Нинкой, за ее плечами, нераскременное рамами стекло, а там светлосерое небо, в правой стороне окна — жгучее солнце. В солнечном свете роились миллионы пылинки. И вдруг мастер для меня показался одной из этих пылинок. И он подобно пылинке закружился, завертелся, показывая себя с разных сторон. Но ни с одной он мне не нравился. И в самом деле, что он такое сделал, и что он для меня значит. Он же не Ньютон, не Гагарин, не Майя Плисецкая.

— Я жду, Ажиров, — донесся до меня голос старого мастера. Не отрывая взгляда одновременно от Нинки, от окна, от солнца, я сказал ласково и тихо:

— Не могу. Вы толкаете меня на явный брак. Не торопиться же мне. Я привык делать все, как с иголки.

— Значит, ребята без прогрессивки будут. Не было за тобой такого, Ажиров. Не было, такое дело.

Но до меня не доходит смысл его слов. Да и не вслушиваюсь я. Между нами снова встает пауза. Я уже начал под-

бирать слова, чтобы отомкнуть паузу, как до меня опять дошли слова:

— Ты это серьезно, Ажиров?

Чуть громче обычного говорю:

— Вполне.

— Но план?

— Незаменяемых людей нет, бравирую я. В эту минуту я нравлюсь сам себе. Положительно нравлюсь. Я понимаю: человек — это звучит гордо! И не надо меня втаптывать в грязь. Надо со мной считаться.

— Мда-а-а...

Старик уходит от меня неспеша, делая вид, что ничего не случилось. Но победитель я. В этом нет сомнения. Теперь мастер поймет, как со мной себя вести.

Я видел мельком, что мастер ходил по цеху от одного инструментальщика к другому. Мне же думалось, пусть ходит. В запасе ни у кого нет ни единой прессформы...

ВОТ и включилась сирена в общий шум цеха. Голос ее мне показался жалостливым, будто о чем просил. Впервые я прислушивался так чутко к сирене. Медленно складывал инструмент в шкаф и не мог понять, почему медлю.

И только через несколько минут стало все ясно. Мастер дождался второй смены. С теми говорили о чем-то ребята из нашей смены. Когда я выходил из цеха, то заметил просветлевшее лицо мастера. В дверях столкнулся с Жориком Загнеевым.

— Мастера сегодня здорово срезал, старик, — сказал я ему мимоходом. Кто-кто, а он поймет меня. Ему больше всех попадает от старого мастера. Загнеев передернул правым плечом (была у него такая привычка), съязвил:

— А может, себя?

— Скорморошничаеть? — бросил я ему в спину так резко, будто кинул тяжелый нож.

Нинку я встретил уже за проходной.

— Трамваем. Нина, поедешь? — собрал я в эти слова всю свою деликатность и культуру.

— К девочкам пойду, — глаза у нее пригудили, она тут же отвернулась от меня и резко шагнула в сторону. От всего этого у меня засосало под ложечкой тонко и противно.

Тонкая фигура Нинки печально таяла в солнечном проеме улицы, качалась и манила. Манила и отталкивала. Я шестым чувством понял: идти не стоит. Никогда не придется идти. Это пришло как-то сразу, вдруг, здесь, на солнечной улице...